

УДК 1(091)

А. С. Зильбер

**ВОЗМОЖНОСТИ СУБЪЕКТОВ ПОЛИТИКИ
В КОНТЕКСТЕ КАНТОВСКОГО ПРОЕКТА ВЕЧНОГО МИРА**

В фокусе находятся трактовки основ политической философии Канта в «экзистенциальном либерализме» Ф. Герхардта и прикладной части коммуникативной теории Ю. Хабермаса. Прослеживаются сходство и взаимодополнительность в выделении и определении свойств субъекта политики.

56

This article focuses on the interpretation of Kant's political philosophy given by V. Gerhardt within his "existential liberalism" and by J. Habermas in the applied part of his communicative theory. The author addresses similarity and complementarity in the identification of political agent and its properties.

Ключевые слова: общественность, война, свобода, легитимация, глобализация, политик, гражданин, право.

Key words: publicity, war, freedom, legitimation, globalization, politician, citizen, law.

В трактате «К вечному миру» [1] Кант выделяет два главных типа политических субъектов: правитель и подданный. Разное положение, возможности приводят к тому, что различны их склонности. Именно к политикам, облеченным властью, обращен трактат в первую очередь, именно на их убеждения желает повлиять его автор, полагая политические взгляды народа в целом более справедливыми, чем взгляды правителей (преодоление незрелости взглядов народа — тема сочинения Канта «Ответ на вопрос о том, что такое Просвещение»). В чем же конкретно состоят свойства правителей и подданных, в какие группы их можно объединить (и на какие разделить), каков их мирный потенциал, каковы тенденции трансформаций, какие необходимы корректировки? Ответы на эти вопросы будут даны при попытке свести воедино две оценки общих принципов политики и современных реалий. Такие оценки представлены современными сторонниками мирного проекта: Ф. Герхардтом и Ю. Хабермасом.

Хабермас, начавший свою творческую деятельность с дополнения неомарксистских идей основателей «Франкфуртской школы» теорией демократии, после падения Берлинской стены обсуждал устройство государства с либеральных позиций, но в течение первого десятилетия XXI в. создал такую концепцию государства, которая оригинально сочетает в себе элементы либеральные и консервативные [4, с. 20–21]. Объединяющую функцию в этой концепции выполняет консолидирующая сила коммуникации, устанавливающая справедливый баланс разнородных и разнонаправленных интересов. Формирование полити-

ческой воли в процессе коммуникации является альтернативой консолидирующей идее нации и мыслится как потенциал для ответа на вызовы глобализации.

Выдвинутое Хабермасом еще в начале 1960-х гг. и ставшее ключевым для целого поколения революционной студенческой молодежи понятие «публичность», «общественность» (*Öffentlichkeit*) — одно из центральных в дискурсе Фолькера Герхардта, автора «экзистенциального либерализма». В 80-х и 90-х гг. он публиковал результаты своего толкования мирного трактата Канта как особой теории политики, отличной от «чистого» либерализма ввиду усмотрения в обществе довольно значимых общих целей [1, с. 308]. В 2004 г. был издан развернутый отзыв Хабермаса на кантовский мирный проект, главной целью которого была оценка его актуальности и возможностей его воплощения в современных условиях [5]. Избегая причислять оба этих подхода как к «новым левым», так и к «либералам» (особенно ввиду прямой критики внешнеполитического неолиберализма и «гегемониального либерализма» Хабермасом), рассмотрим их взгляды на субъектов современной политики как схожие и взаимодополняющие.

Общие основания политики

Начать можно с того, что граждане государства стремятся находить в себе источник своих прав, а не только объект их применения [6, S. 161]. Какие же права соответствуют их чаяниям? Люди хотят быть свободными. Получить разумно организованную и скоординированную свободу можно только средствами права и только в демократическом режиме (с выборностью чиновников, разделением властей и парламентаризмом [6, S. 89, 155]). Политик гораздо меньше и вообще не обязательно стремится к демократии. Государственная власть всегда готова использовать также насилие и принуждение во имя обеспечения права, хотя и исключительно как крайнюю меру [6, S. 175]. Но в целом политик также желает сохранить государственный аппарат, к которому принадлежит. Тем самым он стремится к сохранению внутреннего мира между гражданами, а для полного решения проблемы внутреннего мира нужно, согласно Канту, установить внешний мир между государствами — так международный мир попадает в цели политика [6, S. 27 — 28, 211].

Чем больше граждан имеют политические права, чем более открыта правдивая информация о политической деятельности для народа, тем больше шансов на легитимную политику, т.е. выполнение обещаний, апеллирующих к принципам разума, а к их числу относится и миролюбивая политика. Расширенный учет мнений общественности также способствует миролюбию. Шансы на него растут по двум причинам: он необходим для поддержания мира внутри государства, и это, по Канту, возможно, если добиться конструктивного положительного эффекта от столкновения деструктивных эгоистических склонностей [1, с. 285]; он необходим в условиях усиления самостоятельности этой самой общественности и усиления ее претензий на обладание истиной, критическим взглядом, объективностью и свободой слова.

Однако Кант полагал, что обладать политическими правами достойны не все, а только экономически самостоятельные граждане [6, S. 84]. Торговые интересы, которые для значительной их части являются главными, целиком склоняют к миру: торговцы всегда могут мирно договориться, и только политический мир дает возможность свободно торговать. «Зависимые» граждане, на наш сегодняшний взгляд, при таком подходе могут оцениваться как склонные к тоталитаризму, национализму и фундаментализму. Но война в некоторой степени затрагивает всех и для всех тягостна, для небогатых и зависимых граждан тем более. Сказанное может служить оправданием для реальной политической практики: граждан наделили правами, не дожидаясь их самостоятельности. Важную роль в этом сыграла угроза революций, о которой еще будет упомянуто ниже: она также миротворческая сила, хотя только наполовину.

Исторический опыт XIX — XX вв. показывает, что республики в целом вели себя мирно, но не уступали военным устремлениям других государств [5, с. 135]. Иначе и быть не может, пока сохраняется вполне справедливое право на самооборону. Но вдобавок к этому следует вспомнить о сомнительной оправданности некоторых случаев инициирования «гуманитарной интервенции» и предоставления вооруженных сил для нее, об участии правительств в этнических конфликтах в соседних многонациональных государствах, наконец, о многовариантности республиканского устройства. И в целом, дополняя мысли Хаббермаса, нужно сделать вывод: политик даже в республике не хочет и не торопится проводить референдум, чтобы спросить мнение народа о войне, не желает полного внешнеполитического пацифизма. Намерение начать войну и логика своевременного ответа на военную угрозу нередко требуют скрытности, засекречивания [1, с. 303]. Более того, если приоритетной политической силой политик считает финансовую, то это, похоже, в противоположность гражданину, склоняет его к войне, а к мирной политике — только равновесие экономических, военных и чисто политических сил, подчиненное праву [6, S. 58].

Склонности, интересы и цели гражданина в немалой степени атрибутивно эгоистичны. Однако он обладает *sensus communis*, неким общим чувством справедливости, здравым смыслом, исходя из которого выносит моральные и правовые суждения. Эгоистичен и политик в своих истинных мотивах, принципами права и морали лишь маскируется [6, S. 100] и по определению не может исходить из одних только чистых разумных принципов морали и права: он должен делать заключения, основываясь на индивидуальном восприятии и индивидуальных оценках, — это способность, подобная *sensus communis*, но дается от рождения и тренируется в опыте; также он должен и не может не учитывать самосознание людей, особые обстоятельства отдельных случаев, исторически сложившиеся действующие нормы и институты, политически весомые и значимые силы (объединения людей) и их ведущих представителей (конкретные личности) [6, S. 159, 197]. Но, как уже было сказано, мирную политику политик реализует, только если все эти факторы не поставит выше права. А неустранимый эгоизм субъектов политики может быть нейтрализован республиканской формой правления с ее разделением властей и безопасным правомерным столкновением

мнений в публичных обсуждениях политических вопросов [1, с. 285; 6, S. 65, 209].

Ввиду того что для правильной политики нужны особые способности, гражданин вынужден доверять репутации (чести) политика, его программам и принципам, обещаниям, данным им надеждам, особенно в трудноразрешимых для права случаях крайней опасности; на этом доверии держится даже власть тиранов. Политик, соответственно, для реализации своих программ «вынужден» пользоваться своим авторитетом и доверием граждан и коллег-политиков (в том числе достигнутом в переговорах с ними). Тайные приготовления к войне опасны более всего именно тем, что подрывают доверие политиков друг к другу. И политик вынужден хотя бы частично исполнять обещания или находить оправдание их неисполнению: успех нелегитимной политики не велик [6, S. 175].

Внутренняя свобода часто сохраняется с целью поддержки обороноспособности государства [2, с. 48–49], но, в принципе, политик способен под давлением различных факторов проводить реформы даже в отсутствие внешней военной угрозы, т.е. не только для повышения обороноспособности, особенно под давлением своего народа, под угрозой государственного переворота [6, S. 21, 73]. Но революция неправомерна и не может быть рационально обоснована, так как не может без ущерба для дела планироваться явно, демократично. Она боится открытого обсуждения, потому что является вопросом и об улучшении права, и о передаче власти. Следовательно, правомерно лишь сопротивление актам и практикам, противоречащим Конституции [6, S. 179]. В обоих этих аспектах переломным для политики стал XVIII в.: по оценке Герхардта [6, S. 21], во внутривнутриполитической практике тогда зародились и начали неуклонно развиваться реформы, публичные обсуждения политики начали двигаться в сторону независимости, а формирование субъекта политической воли — в сторону демократичности, ведь также именно в то время произошла Великая французская революция, которую «будут стремиться повторить все народы» и которая так сильно обнадежила Канта в его размышлениях о едином моральном начале человечества [3, с. 202].

Право в условиях глобализации

Состояние всеобщего мира требует множества государств, отмечает Хабермас [5, с. 38]. Свобода для государств внутри международного сообщества так же естественна, как для граждан внутри государства [6, S. 62–63]. Нужно не полное единство права, а лишь общие принципы коммуникации, разные конкурирующие сценарии развития [5, S. 105]. Угрожает ли существованию и суверенитету государств глобализация? Дает ли она международным сообществам экономически активных граждан инструменты обретения неполитической власти, способной конкурировать с властью политической? Для участия в глобальной хозяйственной деятельности и развития упомянутой деятельности гражданин нуждается в демократических правах и свободах, а также в материальных и духовных благах, и склонен требовать их [6, S. 23]. Государство в условиях глобализации не может своими силами охранять гра-

ницы, обеспечивать жизнь населения, защищать его от последствий чужих глобально значимых решений. В такой ситуации оно находится в равном политическом весе с мультинациональными корпорациями и неправительственными организациями, опирающимися на деньги и иные ресурсы. Это все тенденции анархические. Но государства остаются монополистами в области легитимного законодательства и правообеспечения. Следовательно, вполне в своих интересах они стремятся контролировать глобализированную хозяйственную деятельность путем выделения ее субъектам прав и свобод, и данный инструмент мягче традиционных военной угрозы и дипломатического давления [5, с. 167–168].

60

Однако указанный процесс не несет с собой автоматическое подчинение праву экономических и других сил, способных влиять на политика. А следовательно, и не дает гарантий на мир. Подчиниться праву политика заставит дополнительная сила: мировая полиция. Нужна ли эта функция в деятельности организации типа ООН? Можно допустить, что нет: ведь внутри каждого государства уже должна действовать монополия на насилие. Но даже в теории видно, что она не является полным гарантом внешнего и внутреннего мира. ООН на практике сформировалась как легитимный миротворец и правозащитник, и практика показывает, что справиться с задачами организации можно, лишь имея в распоряжении санкции, достигающие запугивающей степени превосходства, в том числе национальные вооруженные силы, которые ей выделены [5, с. 90, 165].

Итак, ООН с ее совещательными органами, международным правосудием и международной полицией призвана формировать единую мировую политику в области обеспечения мира и соблюдения базовых прав человека. Для всесторонней поддержки этой деятельности нужны политические меры регулирования экономики, экологии и культуры. Уже сегодня данные функции выполняют ВТО, МВФ, Всемирный банк, Всемирный фонд дикой природы и т.п. Практика показывает, что они нуждаются в активной поддержке со стороны отдельных сильнейших государств [5, с. 125–126]. Помимо всемирной, требуется и уже осуществляется кооперация на континентальном уровне с учетом специфики разных регионов земного шара (ЕС, АТЭС и т.д.). Вся такая структура регуляторов, которую еще предстоит укреплять и реформировать, намечает довольно четкие контуры альтернативы (или конкретизации) для «суррогата союза народов», не увиденного Иммануилом Кантом.

Центробежная тенденция в упомянутом принципе разделения уравновешена центростремительной и на практике, и потенциально. Но не перевешена ли? Не стремятся ли международные организации в своем правотворчестве чрезмерно ограничить свободу государств? Тенденции перекоса в данную сторону есть, но несколько моментов делают их далеко не вполне оправданными и снижают их эффективность, оставляя нам, следовательно, надежды на устранение этого перекоса. Во-первых, государственная власть вполне способна бороться с террористами внутри собственной страны без существенного ограничения прав каждого гражданина, пресекая «тыловые», периферийные связи террористов средствами полиции и служб безопасности [5, с. 35]. Во-вторых, применение санкций против государств, поддерживающих

террористов, не требует ужесточения основ международного права в области коммуникации государств [5, с. 138].

Транснациональная легитимация и диалог культур

Необходимость культурного разнообразия мирового сообщества находит себе подкрепление уже в том, что большинство граждан, даже неосознанно, склонно к национализму. Государство как основа существования и развития национальной культуры — единственное, что может придать мировоззрению людей нужную и достаточную степень определенности. И это по-прежнему способствует его сохранению: как осознанному, так и стихийному — на уровне самоорганизации [5, с. 179]. Незападные культуры вправе пытаться реализовать универсальное содержание прав человека с учетом их собственного опыта, интересов и политической культуры, не ломая свои традиционные формы правления и, возможно, даже политический режим [5, с. 38]. Способствовать этому должны международные организации и объединения, не всемирные, а континентальные. В то же время опасны чрезмерные проявления национализма: нарушение межкультурной коммуникации влияет на развитие ксенофобии и фундаментализма, а они — на развитие насилия. Кроме того, национализм политических центров из сообщества стран Запада приводит к тому, что они постоянно пытаются строить международную политику исключительно в собственных интересах. В том числе потому, что их правительства добиваются одобрения внешней политики национальной общественностью, к примеру какими-то группами иностранцев в ней. Это, бывает, идет вразрез с принципами всемирной организации [5, с. 98].

К счастью, под давлением экономической глобализации политическое сознание политиков и граждан плавно и едва заметно, но устойчиво также глобализируется [5, с. 168–169]. Чиновники и граждане государств уже сегодня обретают «глобальное» сознание и учатся воспринимать себя членами крупных политических общностей. Растет влияние граждан, проявляющих повышенную политическую активность: спонтанная деятельность относительно слабой общественности, не имеющей гарантированного организационно-правового доступа к общественным решениям, намечает путь легитимации дискуссий и решений Всемирной организации, а также интеграции мирового гражданского общества [5, с. 132]. Для узаконения политики ООН по защите мира и прав человека достаточно единодушного возмущения мировой общественности нарушениями данных прав [5, с. 133]. Электронные средства связи и немалые успехи неправительственных организаций, действующих по всему миру, стабилизируют инфраструктуру и усиливают сплоченность [5, с. 99]. Хотя, к сожалению, в этой же области активны и консервативно-реакционные силы: электронные СМИ, особенно частное телевидение, манипулируют сознанием и навязывают определенные доктрины в целом не меньше, чем просвещают [5, с. 135]. В западных государствах такое обвинение Хабермаса можно адресовать скорее к тем СМИ, которые так или иначе подконтрольны правительству. И подверженность подобному влиянию консервативных СМИ

в культуре постмодернизма и постиндустриальной экономике зависит, пожалуй, больше от уровня личной культуры мышления, чем от степени экономической самостоятельности субъекта.

Список литературы

1. *Кант И.* К вечному миру // Соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 257–347.
2. *Кант И.* Предполагаемое начало человеческой истории // Избр. : в 3 т. Калининград, 1998. Т. 2 : К вечному миру. С. 36–52.
3. *Кант И.* Спор факультетов. Калининград, 2002.
4. *Марков Б.В.* В поисках другого // *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001.
5. *Хабермас Ю.* Расколотый Запад. М., 2008.
6. *Gerhardt V.* Immanuel Kants Entwurf “Zum ewigen Frieden“: eine Theorie der Politik. Darmstadt, 1995.

Об авторе

Андрей Сергеевич Зильбер — ст. преп., Калининградский государственный технический университет.

E-mail: a-zilb@ya.ru

About author

Andrey Zilber, Assistant Professor, Kaliningrad State Technical University.

E-mail: a-zilb@ya.ru